

Исторический и экономический аспекты становления философской системы Гегеля

И. С. Барсуков

bis24310@mail.ru

Рассмотрено влияние экономических воззрений Гегеля на замысел построения Системы наук. Рассматривается принципиальная ограниченность феноменологического подхода в опосредствовании частей Системы. Объясняются причины отказа от феноменологического и переход к логическому принципу построения Системы.

Ключевые слова: феноменология; абстрактный труд; отчуждение; сознание; самосознание; абсолютное; абсолютное знание; логическое; историческое; диалектический метод; абсолютная идея; объективное; субъективное.

Historical and economic aspects of the formation of Hegel's philosophical system

I. S. Barsukov

bis24310@mail.ru

The article examines the influence of Hegel's economic views on his idea of building a System of Sciences. We consider the fundamental limitation of the phenomenological principle in mediating parts of the System. The reasons for the rejection of the phenomenological principle and the transition to the logical principle of System construction are explained.

Keyword: phenomenology; abstract labor; alienation; consciousness; self-consciousness; absolute; absolute knowledge; logical; historical; dialectical method; absolute idea; objective; subjective.

В свое время Маркс, отмечая стремление Гегеля в анализе субъективности исходить из предметно-практической деятельности, со всей определенностью указал на предмет, попавший в поле зрения философа: «Он [Гегель] рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека» [9, с. 159]. К сожалению, после Маркса тема труда и проблема влияния на становление философии Гегеля экономических теорий того времени, за редким исключением (см.: [8; 10]), оставались без внимания.

Между тем уже в ранних систематических произведениях («Система нравствен-

ности» и «Иенская реальная философия», лекции в Иене 1802—1804), помимо субъективно-логического и морально-нравственного аспектов действительности, Гегель включает в концепцию субъективности содержание, отражающее конкретность индивида, действующего в исторически и экономически определенных условиях, со своим местом и ролью в системе общественных отношений.

Вычленение сферы труда, сферы экономической деятельности в качестве основы и исходного пункта практической философии, становится определяющим для всей

философии Гегеля [8, с. 360; 9, с. 152—174], ибо такие характеристики труда, как: целесообразность, опосредствованность, противоречивость — объективно диалектичны, что и позволяет им выступить содержательными предпосылками для разработки аспектов диалектического метода и системы логического. Но если определения деятельности природы человека положены в основание гегелевской систематики, то в силу соотношения основания и основанного, ей внутренне присуща также и диалектика труда. Значит, и анализ формообразований Системы, их внутренней диалектики вполне может выступить теоретической предпосылкой для поиска закономерностей организации продуктивной деятельности.

I

Начинает Гегель с определений конкретного труда, ибо: «конкретный труд — есть субстанциальное сохранение [индивида], грубая основа целого» [4, с. 367]. При этом его интересует исключительно экономическая определенность существования индивида внутри сообщества, устойчивая связь индивида с условно внешним, опредмеченным им же самим миром. Такую связанность Гегель и называет формообразованием духа. На основе конкретного труда формой общественной связи индивидов выступает в широком смысле семья (род, племя). Поскольку «семейное владение предполагает равенство по форме участия в результатах труда» [3, с. 307], то индивид внутри сообщества существует не как отдельное лицо. Его качественная определенность такова, что он не отличает себя как деятеля от родовых сил, поэтому не он представитель целого, напротив, целое представляет его. По Гегелю, обнаруженное формообразование духа — Сознание, оно же и начало всего движения. Не абстрактная субъективность (Я=Я), а субъективность в ее отношении к целостности (всеобщему) — подлинное начало систематизирования.

Основанием отрицания Сознания, опять же, выступает экономическая определенность: как только сообщества людей достигают уровня расширенного воспроиз-

водства (получение избытка), то сначала внутри сообществ, а затем и на их границах возникают иные, нежели внутри Сознания, формы отношения индивидов [4, с. 264]. И это главный пункт, вокруг которого выстраиваются рассуждения Гегеля в «Системе нравственности» и «Иенской реальной философии».

С одной стороны, «избыток» есть результат развития умелости индивидов, орудий и кооперации, с другой — он образует форму продукта, позволяющую выделиться индивиду в качестве частного лица: «...субъект является не просто определенным в качестве владеющего, а принявшим форму всеобщности; он выступает в качестве единичного, в соотношении с другим, отрицательного вообще, в качестве признанного обладателя. Владение в этом плане есть собственность; абстракция же всеобщности в нем есть право» [4, с. 296—297]. Здесь довольно точно описан феномен абстрактной формы труда, становящейся в пределах развития товарно-денежных отношений основой всего общественного организма и всех общественных институциональных форм.

Возникающие на основе абстрактного труда, отношения собственности позволяют выделиться индивиду в качестве значимой фигуры общественных отношений, и в то же время индивид в абстрактном труде уравнивается с другим индивидом, включенным в орбиту разделения труда. Отсюда абстрактный труд — противоречивая основа развития общества, в нем каждый отдельный человек тождествен другому и одновременно самостоятелен: «В своем абстрактном труде он, индивид, созерцает всеобщность самого себя, своей формы или созерцает свое бытие для другого» [4, с. 325]. Гегель определяет возникший на основе абстрактного труда способ общественной связи индивидов как Самосознание.

Стихия абстрактного труда, представленная в таких экономических феноменах, как: товар, деньги, обмен, договор и другие [3, с. 380], — проникая во все сферы практической жизни, приводит к глубоким трансформациям общества [4, с. 323]. Но кроме

положительных, Гегель обнаруживает противоречивые результаты действия абстрактной формы. С одной стороны: «То, что <индивид> производит, опредмечивая себя в своем наличном бытии, не может служить удовлетворению всех его потребностей. *Всеобщий труд* есть, таким образом, *разделение* труда, *экономия*» [4, с. 324], что дает повышение эффективности производства и рост богатства. С другой стороны: «Так как *его* труд есть такой абстрактный труд, то он выступает как абстрактное *Я* или по образу вещиности — не как широкий, богатый содержанием *дух, владеющий большим* объемом всего и являющийся его господином» [4, с. 324—325]. Индивид выступает не субъектом, а вещью, которая употребляется и, подобно орудью, исчезает в процессе производства — отчуждается. С одной стороны, абстракция от всех видов конкретного труда — это сильная сторона абстрактной формы, она способствует использованию сил природы и совершенствованию орудий (от ручных — к машине) [4, с. 325]. С другой стороны: «... благодаря абстрактности труда [он] вместе с тем [становится] более *механическим*, приглушенным, бездуховным. Духовное, эта исполненная самосознательная жизнь, становится пустым делом. Сила самости состоит в широте охвата, а последнее теряется» [4, с. 343]. Субъект все больше зависит от общественного разделения труда, что ограничивает умения индивида, обедняя его натуру, снижая его потенциал.

Во многом предвосхищая анализ влияния на индивидов товарно-денежных отношений, проведенный Марксом, Гегель указывает на проблемы общества, базисом которого является абстрактный труд. Освобождаясь от непосредственной природной зависимости, человек формирует общественную необходимость, на основе которой возникают более изощренные формы зависимости, поскольку порождают при определенных условиях иллюзию или видимость свободы. Индивид постоянно обнаруживает противоречивость своего положения: «делает нечто совершенно иное, чем он сам мнил», «приносит себя в жертву при

юридической свободе», «получает преимущество перед природой, но попадает в другую форму случайности» [4, с. 342—344]. Эта противоречивость существования индивида и образует феномен отчуждения.

Для Гегеля отчуждение в значении отчуждения человека от человека становится существенной и неотъемлемой определенностью (качеством) индивида внутри Самосознания, что оборачивается для него: не единством, а «разорванностью воли», «неравенством нищеты и богатства», «черствостью духа», «жертвой при юридической свободе» [4, с. 342]. Этот разлад внутри Самосознания и есть его внутреннее противоречие, требующее разрешения. И первый шаг в этом направлении — осмысление его природы.

Перебирая один за другим общественные институты, имеющие потенциал снятия отчуждения, Гегель как бы проводит своеобразный эксперимент. Через отбор проходят все значимые общественные формы: сословия, гражданское общество, государство, церковь. Особую роль при этом он отводит государству — институту, способному противостоять произволу необходимости общественного процесса, основанному на абстрактной форме труда, привнося в общественный процесс разумную связь. Но и в «Системе нравственности», и в «Иенской реальной философии» эти поиски приводят к выводу: все найденные объективные формы духа содержат определения духа в ограниченной форме. И сословия, со своими ограниченными целями и интересами, и гражданское общество, как общество потребления, напрямую зависящее от абстрактной формы, и правительство, призванное наблюдать за соблюдением общего интереса через соблюдение частных, как «...уверенный в самом себе дух природы» [4, с. 374], и церковь — «...государство, возведенное в мысль» [4, с. 382], и искусство — все они не подходят для разрешения противоречия отчужденного духа.

При этом Гегель экономические и политические характеристики продолжает рассматривать в качестве только феноменов

действительности, а закономерную основу ищет в Познании (Интеллект-Воля), существенно расширяя понятие практики [4, с. 287—322]. Здесь обычно и указывают на границу гегелевского подхода — смещение акцентов в рассмотрении определений действительности с реальных на идеальные. Однако, «упрек» Гегелю в идеализме нельзя считать справедливым в полной мере. Прежде всего потому, что труд рассматривается им как целесообразное действие, в котором внутренне противоречивое отношение объективной (общественной) и субъективной (индивидуальной) цели как закон выступает основанием для формирования устойчивых типов общественных отношений — формообразований духа, а значит и реальная практика и определения субъективности (субъективно-логическая практика) взаимно полагают друг друга, что и позволяет Гегелю без обращения к экономическим определениям рассматривать субъективные характеристики труда.

При этом «Интеллект», или «Теоретическая идея» (субъективно-логическое действие), не совпадает в полном объеме с нематериальной сферой труда (из сферы «Интеллекта» исключены научная деятельность, занятия некоторыми видами искусства и др.). Такой теоретический шаг оправдан, если основанием для разделения теоретического и практического выступает диалектика целесообразности. Хотя непосредственно нематериальная сфера труда (непроизводительный труд) противоположна материальной, у Гегеля обе сферы представляют единство, т.е. практику («Воля» или «Практическая идея»), ибо в практике («Воля») индивиды *реализуют цели*. Единственной же противоположностью процессу *реализации цели* в труде может быть только процесс *формирования цели* у индивидов, хотя оба процесса (*формирование и реализация*) находятся во внутренней необходимой (субстанциальной) связи, и одно движение сразу вызывает другое. Получается, что дихотомия в Системе Гегеля проходит не только по линии противоположности: материальное — идеальное, но и по линии: формирование образа действия — «претво-

рение образа в действительность». Поэтому из субъективно-логической практики как таковой исключается большая ее часть, и остается то, что Гегель называет «Интеллектом», а затем в Науке Логике — «Теоретической идеей».

Объективно в процессе труда индивид никогда не начинает действовать с «чистого листа», ему в качестве содержания действия с необходимостью предпосылается «родовой опыт», который, в свою очередь, всегда продукт реальной практики («Воля»). Но поскольку именно в практике воспроизводится отчуждение, то индивид в субъективно-логическом действии воспроизводит адекватные отчуждению ограниченные формы мышления (например, различные виды догматизма или скептицизма). Индивид попадает в своеобразный круг, где одна отчужденная форма полагает другую, и это существование в замкнутом круге противоречий для индивида становится неодолимым [5, с. 203]. Разорвать указанный круг возможно, преодолев ограниченность форм мышления, посредством осмысления природы субъективно-логического, подчинив процесс *формирования цели* воле индивидов.

Началом снятия абстрактности и ограниченности деятельности, по Гегелю, может выступить субъективно-логическая практика, обогащенная разрешением противоречий ограниченных форм мышления: «Абсолютно свободный дух, принявший обратно в себя свои определения, создает теперь другой мир — мир, который имеет *облик* самого духа, где его дело завершено в себе и он достигает созерцания себя как себя» [4, с. 375].

Абсолютное есть необходимая ступень развития субъективности, высший пункт всего движения и выполняет исключительную функцию в Системе в связи с проблемой снятия отчуждения. В процессе же опосредствования абсолютного решающее значение приобретает исторический аспект метода, ибо не только результат, но и все движение к нему необходимо [5, с. 9]. Историческое — присущая диалектике форма развертывания определений предмета — заключается в последовательной смене формообразований, в их

снятии. Полученный же таким образом результат — не только конечный пункт, но также исходный пункт полагания, поскольку в снятии отрицание есть также и удержание исходной основы, а значит возвращение к одной из сторон полагания. Отсюда процесс смены формообразований не уходит в дурную бесконечность, а имеет обогащенный предыдущим развитием конечный пункт движения — он же и начало (предполагание).

Обнаруженный переход субъективности как существенной фигуры отношения внутри продуктивной деятельности из состояния «в-себе» в состояние «для-себя» открывает перед Гегелем перспективы построения Системы с особой функцией в ней философии как науки, предметом которой выступает природа логического.

II

Следующим на пути к Системе становится феноменологический срез действительности («Феноменология духа») — изображение развития субъективности в соотношении с реальным историческим процессом. Ибо требовалось показать весь процесс развития субъективного и объективного духа как опосредствованный внутри в виде «обращения» знания (Интеллект — Воля). Порядок и последовательность этого движения Гегель уподобляет ступеням, по которым индивид как по «лестнице» должен добраться до понимания себя как абсолютного субъекта.

Однако, несмотря на логическую стройность концепции субъективности и ее критический вид, Гегель в «Феноменологии духа» получает те же трудности, с которыми столкнулся в изображении систематического развития субъективности Фихте — границы свободному действию «Я». При выявлении необходимой внутренней связи ступеней «возвышения духа от явления — через достоверность — до истины» (Сознание, Самосознание, Разум, Дух, Религия, Абсолютное знание), опосредствование (имманентный переход от одной формы к другой) не получено, что ставило под сомнение истину результата — форму абсолютного. И эта трудность

выглядит неустранимой, если основу взаимосвязи формообразований духа искать только в *отобранных* Гегелем объективных формах исторического процесса [1].

И хотя весь последовательный ряд формообразований духа, соотнесенный с событиями реальной истории, дает Гегелю возможность, как заметил К. Маркс, понять действительный процесс становления человека как «результат его собственного труда» [9, с. 158—159], тем не менее «образы духа» или «ступени возвышения духа» до формы абсолютного, в феноменологическом рассмотрении выглядят лишь как преднайденные, действительная основа которых скрыта. Они — явления духа. Явление же, по Гегелю, хотя есть бытие в сфере сущности, но бытие с отрицанием, имеющее основание в ином — в законе явления [2, с. 453].

В итоге феноменологический анализ позволяет обнаружить противоречия и даже полноту формообразований духа, описать их, но не позволяет вскрыть действительную причину отчуждения индивида. От наблюдающего за развертыванием этой специфической «истории человечества», каковой является «Феноменология духа», ускользает закономерная основа всего движения. Фиксируется только «образ духа» как лежащий на поверхности устойчивый результат развития деятельной формы. Причина же перехода к более высокой форме скрыта за переплетением существенного и несущественного во внешнем проявлении, отсюда обнаружение способов снятия отчуждения становится проблематичным.

Таким образом, рассмотрение «образов духа», как они есть в своем явлении, получает непреодолимые границы в понимании способов снятия отчуждения индивида от результатов его собственного труда. Поэтому претендовать на роль исходной основы в общей систематике, к которой стремится Гегель, «Феноменология духа» никак не могла. В лучшем случае — она не более чем сохраненная в памяти история становления субъективности через ее отношение к предметному. В «Энциклопедии философских наук» Гегель отводит «Феноменологии духа»

место только в качестве главы в разделе «Субъективный дух» (Философия духа) [7, с. 218—250]. Результатом здесь выступает не абсолютное, а, напротив, абстрактное или внешнее единство Сознания и Самосознания в Разуме: «простое *тождество субъективности* понятия с его *объективностью* и всеобщностью» [7, с. 250].

Тем не менее важным итогом «Феноменологии» выступила форма абсолютного. И хотя Абсолютное знание осталось только внешней формой «примирения сознания с самосознанием», что делало проблематичным разрешение противоречий абстрактного существования индивида, но оно также раскрылось как определенность формы — тождество: «субстанция-субъект — субъект-субстанция» [5, с. 406], предопределив в итоге новое направление поиска формы «совершенного объединения Я и предмета».

О новом повороте Гегель определенно высказывается в финале «Феноменологии духа», где он характеризует Абсолютное знание как путь «воспоминания» о формообразованиях духа. Этот путь с внешней стороны выглядит как история, а внутреннее движение подчинено закону — внутреннему противоречию цели. Но обе стороны вместе — это история субъективности, постигнутая в понятии [5, с. 410], т. е. система мирового целого, построенная на логическом фундаменте [2; 6]. Логическое должно выступить основанием Абсолютного, а логически определенное абсолютное, в свою очередь, — основанием для освоения индивидами содержательных определений Природы и Духа.

Генезис понятия в Науке Логики таков, что оно раскрывается не только как формально-логическое (таково оно уже в Логике Аристотеля), понятие опосредствуется объективностью, оно есть специфическое бытие, поскольку оно — снятая сущность, следовательно, восстановленное бытие. И если понятие — абсолютная мощь по отношению ко всему существующему объективному, к субстанции, но также и развитое субъективно-логическое, то оно как полное конкретное бытие содержит способ снятия границ субъек-

тивной деятельности. Значит, овладение понятием как универсальным средством — единственная возможность для «Я» из формы абстрактного самосознания вернуться к конкретному единству с предметным, с объективным. По другому ««я» никогда не достигает действительного освобождения» [7, с. 184]. Однако понятие содержит снятие отчуждения, как говорит Гегель — «в себе», в нераскрытом виде.

Обогащенное развитием категорий бытия и сущности, понятие непосредственно соединяет в себе объективное и субъективное, и может служить началом опосредствования [2, с. 546], ибо абсолютное должно быть выведено. Только когда абсолютное непосредственно восстановлено из объективности, оно может служить не только ограниченным логическим средством, но и началом, по Гегелю, «всякой жизненности» и разумности, отсюда невозможен окончательный отказ от принципа историчности. Но это должно быть своеобразное восстановление истории.

Абсолютная идея должна выступить в качестве результата не только логического процесса, но и феноменологического, только феноменологического в специфической форме — это должна быть «история [субъективности] постигнутая в понятии» [7, с. 399]. Поэтому рассмотрением только природы понятия в Науке Логики Гегель не ограничивается. Если бы развертывание логического ограничилось понятием как субъективно-логическим, то абсолютное, получив окончательный вид в качестве логического средства, имело бы к объективности лишь внешнее отношение, или было бы к ней применимо только в качестве субъективного масштаба. И поэтому в последних главах «Субъективной логики» речь идет о снятии субъективности как таковой. Здесь нет непосредственного перехода к абсолютному, выраженному в определенности логической формы, каковым является диалектический метод, а все движение логического переводится в «Объективность»: «понятие вообще реализовалось; или приобрело такую реальность, которая есть объ-

ективность» [2, с. 645].

По сути, результатом развития понятия выступает раскрытие глубинного противоречия деятельности (как внутреннего отношения субъективной и объективной цели), чему посвящены итоговые разделы Науки Логики: «Объективность» и «Идея». Не случайно в «экспозицию понятия» включены такие категории, как: «Жизнь», «Теоретическая идея», «Практическая идея». Отсюда и высший пункт всего систематического движения, опосредствованный объективными характеристиками деятельной формы, — Абсолютная идея или диалектический метод — не только универсальное логическое средство, но также и средство продуктивной деятельности человека, понимающего состав своих действий по преобразованию Природы в широком смысле.

Литература

1. Барсуков И.С. Границы феноменологического подхода в рассмотрении развития определений субъективности (к вопросу об изменении основного замысла Гегеля в построении системы) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2012. № 5. С. 267—273.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. СПб: Наука, 1997. 799 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 668 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
8. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 614 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т., изд. 2-е, Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 536 с.
10. Хандруев А. А. Гегель и политическая экономия. М.: Экономика, 1990. 127 с.

Поступила 10.08.2020

Барсуков Игорь Сергеевич — канд. филос. наук, доцент, почетный работник общего образования, независимый исследователь, bis24310@mail.ru

References

1. Barsukov I.S. Granicy fenomenologicheskogo podhoda v rassmotrenii razvitija opredelenij sub#ektivnosti (k voprosu ob izmenenii osnovnogo zamysla Gegelja v postroenii sistemy) [THE LIMITS OF THE PHENOMENOLOGICAL OBSERVING OF SUBJECTIVITY EVOLUTION (A CONTRIBUTION TO THE MAIN HEGEL'S INTENTION CHANGE IN THE CONSTRUCTING OF SYSTEM)] // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. Pjatigorsk: Institut regional'nyh problem rossijskoj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze, 2012. № 5. S. 267—273.
2. Gegel' G.V.F. Nauka Logiki. SPb: Nauka, 1997. 799 s.
3. Gegel' G.V.F. Politicheskie proizvedeniya. M.: Nauka, 1978. 438 s.
4. Gegel' G.V.F. Raboty raznyh let: v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1972. 668 s.
5. Gegel' G.V.F. Fenomenologija duha. M.: Nauka, 2000. 495 s.
6. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. T. 1: Nauka logiki. M: Mysl', 1974. 452 s.
7. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. T. 3: Filosofija duha. M.: Mysl', 1977. 470 s.
8. Lukach D. Molodoj Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obshhestva. M: Nauka, 1987. 614 s.
9. Marks K., Jengel's F. Sochineniya: v 50 t., izd. 2-e, T. 42. M: Politizdat, 1974. 536 s.
10. Handruev A. A. Gegel' i politicheskaja jekonomija. M.: Jekonomika, 1990. 127 s.

Submitted 10.08.2020

Barsukov Igor S, Candidate of philosophy, Docent, Honorary worker of General education, Independent researcher, bis24310@mail.ru